

Мы с Чхве Чжунханом разговорились. Поскольку нас связывали общие пациенты и больница, разговор не был совсем уж оторванным от реальности.

Обещание «всего одной бутылки» давно перестало быть сдержанным. Чхве Чжунхан умел пить, а под нашими ногами уже скопилось опасное количество пустых бутылок.

— Хён, как ты вообще попал в травматологию?

— Ну... была одна история.

Я вздохнул, вытряхивая последние капли из пустой рюмки в рот. Изначально я должен был пройти общую хирургию, а затем специализироваться на гепатобилиарной и панкреатической хирургии. В то время нормального травматологического центра, как сейчас, не было.

Это было как раз тогда, когда в приёмном покое выделили зону для травматологии, а в групповых чатах, как объявления о вакансиях, распространялись сообщения о наборе в травматологическую бригаду. Тогда я думал, что перемены в больнице меня не касаются.

Честно говоря, я был скорее против таких изменений.

Я даже подписывал петицию против создания регионального травматологического центра — некоторые профессора, выступавшие против профессора Кима, просили меня подписать, утверждая, что это нереалистично.

Жизнь непредсказуема — я и представить не мог, что стану настолько одержим травматологией, что не смогу забыть о ней даже за пределами больницы. Я почесал вспотевшую голову.

— Не очень хочу об этом говорить.

У меня был человек. Не из корейской мединской, а из обычного мединститута — с отличными оценками.

Я встретил его во время интернатуры по внутренним болезням, он был на общей хирургии. Мы были так близки, что после ординатуры даже обсуждали, как откроем свою клинику.

Когда он сказал, что хочет пойти в травматологическую бригаду — туда, где не платят и куда другие врачи не идут, — мы ссорились почти каждый день. Мне не нравился профессор Ким, который заманил его в травматологию — в эту корейскую целину. Всё это в прошлом.

Чхве Чжунхан разлил остатки соджу в мою рюмку. Я выпил молча.

— Если не хочешь говорить — не надо.

— А ты?

— Я изначально был на инженерном.

— О, правда?

— Бросил до конца первого семестра и перепоступил в медицинскую.

Инженерный, значит? Если посмотреть с другой стороны — быть студентом инженерного факультета не так уж плохо. В ресторане чхопчана всё ещё было многолюдно. Когда есть было уже нечего, и мы просто ковырялись в закусках, мы сами собой поднялись из-за стола.

Корея — страна с развитой культурой ночной жизни. Лёгкий хмель заставлял меня чувствовать приятное возбуждение. Давненько я себя так не ощущал. Чхве Чжунхан остановился.

— В чём дело?

— Я просто покурю.

Чхве Чжунхан поднёс пальцы к губам. С тех пор как я стал травматологом, я бросил курить, так что даже не думал об этом.

Профессор Ким был категорически против курения в нашей команде. Раньше я курил после работы или за пределами больницы, но со временем понял, почему профессор Ким так говорил.

Бывали моменты, когда даже время, потраченное на дорогу до места для курения, казалось слишком драгоценным перед лицом травматологического пациента. Поднимаясь и спускаясь по больничным лестницам больше тридцати раз в день, я понял, что ради выносливости надо бросить.

Я подошёл к Чхве Чжунхану, который стоял, засунув руки в карманы. Потянуло запахом дыма. Вместо того чтобы курить, я наслаждался лёгким суррогатным удовольствием, вдыхая этот запах.

— Профессор Ким не любит курящих, так что будь осторожен.

— Знаю. Он и меня спросил сначала. Сказал: если куришь — бросай. Но это ведь не то, что можно бросить просто потому, что кто-то сказал. Всё равно я стараюсь не курить в больнице.

Чхве Чжунхан был прав. Только вчера скольким пациентам я говорил не курить и не пить? Но врачи тоже любят и то и другое за кулисами — так что мне не с руки судить. Как всегда, самое трудное — это мера.

Чхве Чжунхан хитро протянул мне сигарету. Я махнул рукой и покачал головой.

— Нет, спасибо. Я и так много выпил.

— Одна не повредит.

— Я то же самое думал про соджу.

Чхве Чжунхан глубоко затянулся. Его длинные пальцы привлекли моё внимание. У меня самого руки не маленькие, но у этого парня руки были большие даже для взрослого мужчины. Несмотря на грубость и размер, руки Чхве Чжунхана были более нежными и чувствительными, чем у кого бы то ни было.

Когда я бессмысленно уставился на его пальцы, Чхве Чжунхан покосился на свою руку.

— Что-то на ней?

— А? Нет, ничего.

Наверное, из-за выпитого лицо залилось краской. Я сглотнул горячую слюну и отвернулся. Я забыл, что сигарета, которую Чхве Чжунхан мне предлагал, всё ещё была у меня перед глазами.

Выдохнув дым, Чхве Чжунхан потушил сигарету и сунул её в карман.

Погасив сигарету, Чхве Чжунхан засунул окурок между мусорными пакетами, собранными у столба. Наконец он сказал то, о чём я думал:

— Как насчёт второго раунда?

—

— Тебе всё равно дома делать нечего. Ты не собираешься ни учиться, ни в больницу идти.

Даже если бы из больницы позвонили сейчас, ни я, ни Чхве Чжунхан не смогли бы поехать. Думаю, уровень алкоголя в крови у нас обоих уже зашкаливал.

Наверное, из-за алкоголя тело Чхве Чжунхана естественно наклонилось ко мне. Вздрыгнув от прикосновения волос и кожи к моему плечу, я отступил на шаг и оттолкнул Чхве Чжунхана. Удивлённый, он моргнул.

— О, извини, я не хотел...

— Нет... нет, я имею в виду, э-э, мм. Пойдём на второй раунд?

Мне хотелось как можно быстрее вырваться из этой неловкой ситуации. Таким был результат. С того момента, как Чхве Чжунхан сказал, что мне дома нечего делать, я уже склонялся ко второму раунду. Чхве Чжунхан кивнул.

Мы вошли в переулок чуть поодаль от оживлённой улицы. Бары, пабы и таверны появлялись время от времени с тусклым освещением. Чхве Чжунхан указал на место с жёлтым светом. В середине новостройки была лишь большая дверь.

— Как насчёт этого?

— А они открыты?

— Если нет — пойдём в другое место.

Чхве Чжунхан сказал спокойно и с силой толкнул дверь. Показалась лестница, ведущая вниз, в подвал, с освещением. Я не видел, что там внизу, но таинственность создавала ощущение, что если спуститься — откроется совсем другой мир.

Внутри оказалось обычное заведение. Длинная стойка и столики, освещение, похожее на то, что было видно на лестнице, — не слишком яркое.

Опрятно одетый сотрудник поставил стакан, который протирал, и подошёл к нам. Он переводил взгляд между стойкой и столиками.

— Где вы хотели бы сесть?

— Лучше за столик.

В заведении было не слишком людно и не слишком тихо. Чхве Чжунхан повернул голову в сторону столиков. Сотрудник провёл нас к столу.

На столе горела свеча. Воск таял, излучая красноватое свечение.

— Что хочешь выпить?

— Не знаю.

Раз я не планировал второй раунд, ничего особенного не хотелось.

— Тогда я закажу сам.

Вопреки моим ожиданиям, Чхве Чжунхан не стал переспрашивать — он был решителен. Сложив меню, он слегка поднял руку, и сотрудник подошёл. Он заказал фруктовую тарелку и бутылку односолодового виски «Талискер».

— Ты ведь платишь?

— Конечно.

Янтарная жидкость наполнила пузатый бокал. Наверное, из-за свечи рядом в ней угадывался красноватый отлив.

Учитывая, что мы зашли сюда спонтанно, атмосфера была неплохая. Чхве Чжунхан выдвинул свой бокал вперёд. Когда тонкое стекло с лёгким звоном соприкоснулось, раздался мелодичный звук. Я слегка повернул голову и наклонил бокал, пробуя виски.

Непривычный вкус виски казался новым для языка, привыкшего к соджу. В односолодовом виски, который заказал Чхве Чжунхан, улавливался яблочный аромат. С уже принятой соджу и виски, градус которого был не низким, хмель быстро нарастал.

Мои глаза уже наслаждались виски, которого в бокале больше не было. Но ведь похмелья завтра не будет, правда? Пока я размышлял о том и сём, моя рука уже потянулась к бутылке с виски, чтобы налить ещё.

— Почему ты пришёл в нашу больницу?

— В каком смысле?

— Ты ведь хорошо устроился в той больнице. Повышение было гарантировано, деньги — само собой. Зачем тебе все эти трудности? Конечно, у нас вечно не хватает людей, и мы благодарны, что ты пришёл. Но я не понимаю, совсем не понимаю.

Пьяный, я бормотал бессвязно. Чхве Чжунхан сам подошёл к профессору Киму во время его визита в США и сказал, что хочет работать в корейской больнице. Учитывая, как мал этот мир, Чхве Чжунхан не мог не знать, что профессор Ким ищет людей.

— Я всегда планировал вернуться в Корею. Выбрал США... потому что считал, что в Корее мало

надежды. Но, как ни странно, времена меняются.

— Тебя всегда интересовала травматология?

— Я думал об этом. Серьёзно заинтересовался, наверное, на третьем курсе. Когда я узнал, что профессор Ким приезжает в США, это было как раз к концу моей программы по травматологии в той больнице.

Поняв, что он с самого начала думал о Корее, я осознал, что этот парень — немного чудак. Похоже, приход Чхве Чжунхана в нашу больницу был не случайностью, а закономерным итогом.

Я кивнул, словно собирался уткнуться головой в стол, и растопырил пальцы.

— Есть два типа врачей. Те, кто стали врачами случайно. И те, кто горит странным чувством долга. Первые — в школьные годы хорошо учились, попали в медицинскую без учёта способностей, и, не успев опомниться, уже стали врачами. Некоторые занимаются другим, но большинство продолжают, потому что ничего другого не умеют. Они реалистичны. Те, кто горит долгом... возможно, для пациентов они хорошие врачи, но для окружающих — не очень. Иногда они ведут себя так, будто они некие великие существа. Мол, «если не я, то кто? Я существую, чтобы делать эту работу». Понимаешь, о чём я?

— Конечно, есть такие врачи.

— Я из первых.

Я поставил бокал и тихо посмотрел на Чхве Чжунхана. Я действительно был тем, кто стал врачом случайно и оказался в месте, откуда уже не свернуть.

— А ты из вторых.

— Почему ты так думаешь?

— Ты не помнишь, что натворил в первый день?

Одна мысль о том, как он оперировал в другой больнице и привёз пациента к нам, до сих пор заставляла меня скрежетать зубами. Чхве Чжунхан почесал покрасневшую щёку, словно не находя оправданий.

— Но сейчас ты делаешь работу, которую другие не любят.

— Я знаю.

— ...

— Хорошо бы, если бы людей можно было так просто разделять, правда? Это просто способ говорить. Но не делай так больше.

— Понял. Но ты долго собираешься это вспоминать?

— Я злопамятный. Ты разве не слышал слухи среди медсестёр, что я просто невыносим?

Чхве Чжунхан удивлённо распахнул глаза. Я допил остатки виски в бокале. Организм сигнализировал, что если выпью ещё — завтра будет тяжело, но я проигнорировал его.

— Шучу. Не принимай так близко к сердцу. Нельзя даже пошутить.

<http://bllate.org/book/20325/2105929>